

Иван Тургенев

Речь о Шекспире

Иван Сергеевич Тургенев

Речь о Шекспире

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3007205

Аннотация

Речь о Шекспире была написана Тургеневым по предложению «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», которое намеревалось организовать в Петербурге празднество в ознаменование 300-летия со дня рождения английского драматурга. 5(17) марта 1864 г. П. В. Анненков сообщил Тургеневу в Париж программу юбилейного вечера, второй пункт которой состоял «из чтения статьи Тургенева о Шекспире», и просил «немедленно сесть за стол и написать сокращенную биографию Шекспира или что-либо такое». Обращение Литературного фонда с такой просьбой именно к Тургеневу было закономерно: он являлся одним из лучших знатоков Шекспира, и его преклонение перед английским драматургом было широко известно...

Содержание

Примечания

10

Иван Сергеевич Тургенев

Речь о Шекспире

Мм. гг.!

23 апреля 1564 года, ровно три столетия тому назад, в год рождения Галилея и смерти Кальвина, в небольшом городке средней полосы Англии явился на свет ребенок, темное имя которого, тогда же записанное в приходский церковный список, давно уже стало одним из самых лучезарных, самых великих человеческих имен, – явился Вильям Шекспир. Он родился в полном разгаре шестнадцатого века, того века, который по справедливости признается едва ли не самым знаменательным в истории европейского развития, века, изобиловавшего великими людьми и великими событиями, видевшего Лютера и Бакона, Рафаэля и Коперника, Сервантеса и Микель-Анджело, Елизавету Английскую и Генриха Четвертого. В том году, который мы, русские, празднуем теперь со всей подобающей торжественностью, – у нас в России, или, как говорили тогда, в Московии, в государстве Московском, царствовал еще молодой, но уже ожесточенный сердцем Иоанн Грозный; самый этот 1564 год был свидетелем опал и казней, предшествовавших новгородскому погрому; но как бы в ознаменование рождения величайшего писателя, в том же 1564 году в Москве основалась первая типография.

Впрочем, ужасы, совершавшиеся тогда, не были свойственны одной России: восемь лет после рождения Шекспира в Париже произошла Варфоломеевская ночь; на всей Европе еще лежали мрачные тени средних веков – но уже занялась заря новой эпохи, и явившийся миру поэт был в то же время один из полнейших представителей нового начала, неослабно действующего с тех пор и долженствующего пересоздать весь общественный строй, – начала гуманности, человечности, свободы.

Мы, русские, в первый раз празднуем нынешнюю годовщину; но и другие народы Европы не могут похвастаться перед нами в этом отношении. Когда исполнилось первое столетие после рождения Шекспира, имя его было почти совершенно забыто даже в родной его стране; Англия только что выходила из-под власти республиканцев и пуритан, считавших драматическое искусство развратом и запретивших сценические представления; да и самое возрождение театра при Карле Втором не имело ничего общего с целомудренным духом Шекспира, было недостойно его. В 1764 году, двести лет после его рождения, Англия уже знала своего поэта, уже гордилась им; в Германии Лессинг уже указал на него своим соотечественникам, Виланд переводил его, и юноша Гете, будущий творец «Гецца», читал его с благоговением; но все-таки слава его не проникла в массы, не распространилась далее некоторой части образованного общества, литературных кружков; в самой Англии, где в течение почти ста лет не яви-

лось ни одного издания Шекспира, известный актер Гаррик, желая отпраздновать годовщину его рождения, не усомнился дать «Отелло», «приспособленного» для сцены, с приделанной развязкой; а во Франции о Шекспире знал едва ли не один Вольтер – да и тот величал его варваром. Упомянуть ли нам о России? Тогда только что начиналось царствование Екатерины – и Сумароков считался нашим великим трагиком...

Но вот прошло еще сто лет – и что же мы видим? Без преувеличения можно сказать, что нынешний день празднуется или поминается во всех концах земли. В отдаленнейших краях Америки, Австралии, Южной Африки, в дебрях Сибири, на берегу священных рек Индостана с любовью и признательностью произносится имя Шекспира, так же как во всей Европе. Оно произносится и в чертогах и в хижинах, в светлых покоях богачей и в тесных рабочих комнатах, в отдалении от родного крова и близ домашнего очага, под воинской палаткой и под шалашом промышленника, на суше и на море, старыми и молодыми людьми, семейными и одинокими, счастливыми, которых оно радует, и несчастными, которых утешает...

Целый мир им завоеван: его победы прочней побед Наполеонов и Цезарей. Каждый день, как волны во время прилива, прибывают новые его подданные – и с каждым днем шире и шире становятся эти людские волны. Ни один образ не вырос так в последние сто лет, как образ Шекспира, – и

не будет конца его росту. Сколько в эти сто лет явилось изданий, переводов, на скольких различных языках, сколько художников, живописцев, музыкантов, ваятелей воплощали его типы, вдохновлялись ими! Сколько их еще видится впереди! Сколько грядущих поколений, сколько племен, теперь еще едва известных, сколько наречий, быть может, едва лепечущих теперь, – примкнут к торжественному шествию его славы! Мы празднуем его трехсотлетнюю годовщину; но мы уже ныне с уверенностью можем предсказать праздник его тысячелетия. Да; подобно своему единственному сопернику, величайшему поэту древнего мира, Гомеру, который, доживая свое третье тысячелетие, весь сияет блеском бессмертной молодости и неувядаемой силы, величайший поэт нового мира создан для вечности – и будет жить вечно!

Мы, русские, празднуем память Шекспира, и мы имеем право ее праздновать. Для нас Шекспир не одно только громкое, яркое имя, которому поклоняются те лишь изредка и издали, он сделался нашим достоянием, он вошел в нашу плоть и кровь. Ступайте в театр, когда даются его пиэсы (заметим мимоходом, что только в Германии и в России они не сходят с репертуара), – ступайте в театр, пробегите все ряды собравшейся толпы, приглядитесь к лицам, прислушайтесь к суждениям – и вы убедитесь, что перед вашими глазами совершается живое, тесное общение поэта о его слушателями, что каждому знакомы и дороги созданные им образы, понятны и близки мудрые и правдивые 40 слова, вытекшие из сокро-

вищницы его всеобъемлющей души! Или образ Гамлета не ближе, не понятнее нам, чем французам, скажем более – чем англичанам? Не соединилось ли для нас навсегда с этим образом воспоминание о величайшем русском – имен но русском актере, Мочалове? Не приветствуем ли мы с особенным участием каждую попытку передать нам шекспировские творения нашими родными звуками? И, наконец, может ли не существовать особой близости и связи между беспощаднейшим и, как старец Лир, всепрощающим сердцеведцем, между поэтом, более всех и глубже всех проникнувшим в тайны жизни, и народом, главная отличительная черта которого до сих пор состоит в почти беспримерной жажде самознания, в неутомимом изучении самого себя, – народом, так же не щадящим собственных слабостей, как и прощающим их у других, – народом, наконец, не боящимся выводить эти самые слабости на свет божий, как и Шекспир не страшится выносить темные стороны души на свет поэтической правды, на тот свет, который в одно и то же время и озаряет и очищает их? Говорить ли нам теперь перед вами о самом Шекспире? Попытаться ли Б быстрых, поневоле кратких очерках представить посильную оценку его гения? Едва ли это возможно и едва ли нужно, тем более что он сам сейчас заговорит перед вами. Шекспир, как природа, доступен всем, и изучать его должен каждый сам, как и природу. Как она, он и прост и многосложен – весь, как говорится, на ладони и бездонно-глубок, свободен до разрушения всяких оков и по-

стоянно исполнен внутренней гармонии и той неуклонной законности, логической необходимости, которая лежит в основании всего живого. А потому ограничимся указанием на его же изречение, примененное им к едва ли не чистейшему из его созданий, к Бруту:

Природа могла бы встать и промолвить
Указывая на него: *Это был человек!*

Шекспир не нашел никакого более сильного слова, которым он бы мог почтить побежденную добродетель; пусть же будет это самое слово высшей данью нашего благоговения к торжествующему гению!

Примечания

Печатается по беловому автографу с исключением правки П. В. Анненкова и П. П. Пекарского: ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 1265. В текст БА внесено на стр. 51, строка 2, исправление по первопечатному тексту: «для нас навсегда» вместо «навек для нас навсегда».

Впервые опубликовано: СПб Вед, 1864, № 89, 24 апреля (6 мая) (в статье «Праздник в честь Шекспира») с подписью: Ив. Тургенев.

В собрание сочинений впервые включено в издании: Т, Сочинения, т. XII, стр. 217–220.

Черновой автограф без заглавия, на отдельных листках, с датой «8-го апр<еля> 1864» и подписью «Ив. Ту<ргенев>, Париж» – хранится в Bibi Nat, Slave 74; описание см.: Mazon, стр. 67.

Речь о Шекспире была написана Тургеневым по предложению «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» (Литературный фонд), которое намеревалось организовать в Петербурге празднество в ознаменование 300-летия со дня рождения английского драматурга. 5(17) марта 1864 г. П. В. Анненков сообщил Тургеневу в Париж программу юбилейного вечера, второй пункт которой состоял «из чтения статьи Тургенева о Шекспире», и просил «немедленно сесть за стол и написать сокращенную биографию

Шекспира (чему Гервинус много поможет) или что-либо такое» (ИРЛИ, ф. 7, № 8, лл. 64–64 об.). Обращение Литературного фонда с такой просьбой именно к Тургеневу было закономерно: он являлся одним из лучших знатоков Шекспира, и его преклонение перед английским драматургом было широко известно¹.

12/24 марта Тургенев отвечал Анненкову: «За статью о Шекспире засяду немедленно – и если не занемогу или не окачурюсь – через 10 дней она полетит в милый сердцу моему дом Шландера. Вы ее примите к сведению и пустите в ход» (Т, Письма, т. V, стр. 237; см. также его письмо Гончарову от 14/26 марта – там же, стр. 240), а 24 марта/5 апреля он сообщал Анненкову, что речь «почти кончена и была бы уже совершенно кончена теперь», если бы он не увлекся рассказом «Собака» (там же, стр. 242). Судя по черновому автографу, отличия которого от окончательной редакции незначительны, речь писалась сразу, без подготовки. Закончена она была 27 марта/8 апреля 1864 г. (дата Ч А), о чем 30 марта/11 апреля Тургенев писал А. А. Фету (см.: Т, Письма, т. V, стр. 246).

Получив от Тургенева рукопись, Анненков писал ему 5(17) апреля: «Речь о Шекспире весьма прилична и могла бы превосходно открыть торжество, если бы торжество состоялось, но в том-то и штука, что юбилей наш все чахнет и, вероятно, как уже я писал сойдет на литературное чте-

¹ См.: «Шекспир и русская культура». М. – Л., 1965, стр. 450–472.

ние, где и речь получит надлежащее ей место» (ИРЛИ, ф. 7, № 8, л. 68). Анненков намекал на исходившее от Александра II запрещение праздновать юбилей «иноземца» Шекспира в императорском театре². В итоге в Петербурге удалось организовать лишь скромный литературно-музыкальный вечер, состоявшийся 23 апреля ст. ст. в зале Русского купеческого общества для взаимного вспоможения, где речь Тургенева была прочитана акад. П. П. Пекарским. Поскольку вечер собрал сравнительно немногочисленную публику, Анненков и Пекарский внесли некоторые изменения в те места речи, где говорилось о популярности драматурга в России (см. варианты, стр. 264).

Тургенев предполагал печатать речь в «Библиотеке для чтения» (см: *Т, Письма*, т. V, стр. 243). Однако по настоянию Анненкова (см.: там же, стр. 630) она была опубликована в «С. – Петербургских ведомостях».

Печатные отклики на речь содержались в статьях и заметках, посвященных празднованию шекспировского юбилея в Петербурге. В журнале «Русская сцена» (1864, т. II, № 4, отд. III, стр. 162–164) в качестве «лучшего места» речи приводился отрывок, охватывающий почти треть ее: «Целый мир им завоеван ~ озаряет и очищает их?» (стр. 50–51).

Некоторые фельетонисты иронически подчеркивали

² См.: «Юбилейный сборник Литературного фонда. 1859–1909». СПб., б. г., стр. 31; «Шекспир и русская культура», стр. 411.

несоответствие между утверждениями Тургенева о славе Шекспира в России и малочисленностью публики на юбилейном вечере (см.: *Р Сл*, 1864, № 4, отд. III, стр. 86; *Б Чт*, 1864, № 4–5, Общественные заметки, стр. 27–29). О самой речи Тургенева в «Библиотеке для чтения» говорилось: «Это также своего рода маленькая увертюра к чему-то, что не последовало, что-то такое, к чему, как к музыке, можно написать слова. Нам даже показалось, что слова эти написал г. Майков³ и что они вполне подходят к музыке: тот же мажорный тон, и если они передают смысл определеннее, то на то они и слова, чтобы договаривать, на что музыка только намекает <...> О самом Шекспире г. Тургенев сказал только его же словами: «Это был человек».

Резкая критика речи содержалась в статье Д. В. Аверкпева «Вильям Шекспир», напечатанной во враждебном Тургеневу журнале «Эпоха». С позиций консервативного «почвенничества» Аверкиев утверждал, что участники петербургского вечера не сказали о Шекспире ничего «своего, русского», а только «перевели немецкие мысли на quasi-русский язык». «И что же сделал г. Тургенев? – спрашивал Аверкиев и отвечал: Он написал словно по обязанности – «возьмите, мол, впрочем, только отвяжитесь» – свою речь, не лишенную казенного красноречия и водянистых рассуждений». Приведя пространную цитату из речи («Без преувеличения можно

³ Имеется в виду стихотворение А. Н. Майкова «Шекспир», прочитанное на юбилейном вечере.

сказать ~ которых утешает...», критик восклицал: «Господи! целое море риторики, и как оно искусно прерывается многозначительным многоточием <...>. Если только *это* мог сказать г. Тургенев, то лучше бы вовсе ничего не говорить. Если он *может* сказать больше, но в данную минуту не высказывалось это большее, то ему бы тоже вовсе не следовало говорить. И ты Брут! Et tu quoque!» («Эпоха», 1864, № 5, стр. 242, 244).

23 апреля/5 мая 1864 г. Тургенев просил Н. В. Щербаня сообщить ему, «если будет что в русских газетах о долженствовавшем произойти <...> шекспировском празднестве» (Т, Письма, т. V, стр. 252). Судя по его письму к Фридриху Боденштедту, от 15/27 июня 1864 г., он намеревался написать заметку о шекспировских празднествах в России для «Jahrbuch der deutschen Shakespeare-Gesellschaft» (там же, стр. 268). Однако намерение это не было выполнено⁴.

Условные сокращения

Б Чт – «Библиотека для чтения» (журнал)

Р Сл – «Русское слово» (журнал)

СПб Вед – «С.-Петербургские ведомости» (газета)

Т, Письма – И.С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. Письма, тт. I–XIII. «Нау-

⁴ См: Н. Rappich. Zum Verhaltnis F. Bodenstedts und I.S. Turgenevs zu Shakespear und zur «Zeitschrift fur Slawistik», Bd. IX, 1964, Hf. 1, стр. 37–44.

ка» (ранее изд. Академии наук СССР) М.-Л., 1961–1968.

Mazon – Manuscrits parisiens d'Ivan Tourgenev. Notices et extraits, par Andre Mazon. Paris, 1930 (Biblioteque de l'Institut francais de Leningrad, Tome IX).